

С нарастающей паникой в его сердце по земле начали расползаться крошечные кристаллики инея. Почти мгновенно они покрыли лесную почву и стали карабкаться вверх по стволам деревьев.

Бэлий взмахнул рукой, и наступление мороза тут же застыло на месте.

Затем Бэлий поманил Локи пальцем, и тот против собственной воли подлетел прямо к нему.

В этих зелёных глазах читались страх и тревога.

Бэлий протянул руку, обхватил голову Локи, оглядел его со всех сторон и вынес вердикт:

— Прежний яд стер твою память, но в будущем есть вероятность, что она вернется.

Сказал Бэлий неуверенным тоном. Он был способен исцелить человека, но восстанавливать стертую память не умел. Столь тонкая работа, пожалуй, была по силам разве что Рафаэлю.

Однако, заметив полные слёз зелёные глаза мальчика, Бэлий на мгновение замолчал, поднял руку и потрепал ребенка по голове, кое-как утешая:

— До тех пор, пока память не вернется, можешь оставаться здесь.

Локи шмыгнул носом и тихо произвел:

— Спасибо вам.

В этот момент Локи еще не знал, что из-за его исчезновения Асгард стоял на ушах.

В Асгарде, одном из девяти миров этого субмира, Тор безумно метался из палаты в палату, разыскивая своего младшего брата.

— Братец... Локи... Братец...

В отличие от темноволосого и зеленоглазого Локи, у Тора были золотисто-каштановые волосы и синие глаза. Цветом волос и глаз он пошел в короля богов Одина, а его мягкие и красивые черты лица напоминали королеву Фриггу.

Будучи первенцем короля богов и старшим принцем Асгард, он превозносил силу. Несмотря на юный возраст, Тор обладал весьма выдающейся боевой мощью, и по сравнению со слегка щуплым и более склонным к магии вторым принцем Локи, Тор, без сомнения, был идеальным кандидатом на роль будущего короля в глазах всех богов.

Всегда зная, что отношения между двумя принцами короля богов были крепкими, никто не ожидал, что обычно беззаботный старший принц Тор примет такой безумный вид.

Убийственное намерение, исходившее от него, заставило бесчисленных богов отступить на три шага назад, не смея останавливать его, пока он обыскивал каждую комнату.

Они почтительно опускали головы, но в глубине души еще больше восхищались силой этого высочества.

Тор был близок к помешательству.

Он не понимал, в чем дело, знал лишь одно: стоило ему открыть глаза, как он не только вернулся в Чертоги Небесному, но и превратился в ребенка.

Он увидел молодого и сильного отца, прекрасную и нежную матушку.

Хотя причина была неизвестна, он действительно вернулся в прошлое.

Вернулся в прошлое, когда еще не потерял Локи.

Локи еще не покинул их, еще не совершил роковой ошибки, и его еще не убили темные эльфы.

Он был жив!

Тор первым делом бросился в покои Локи, но обнаружил, что его возлюбленного брата там нет. Расспросив служанку, он узнал, что Локи читает в библиотеке, и тут же помчался туда.

Только вот следов Локи по-прежнему не было.

Он снова и снова обегал все места, где Локи больше всего любил бывать, но Тор никак не мог отыскать брата.

Один и Фригга, хоть и недоумевали из-за такой спешки Тора, желавшего увидеть Локи, в то же время радовались крепкой связи между братьями. Они не думали, что с Локи могло что-то случиться — в конце концов, это Чертоги Небесные, а Локи — второй принц мира богов.

Тор и без того паниковал, а когда, носясь по Чертогам Небесным словно безглавая муха, он исходил почти все уголки, он напрямую побежал к Биврёсту.

Хеймдалл охранял Радужный мост, способный перенести в любой из миров. У него были глаза, способные ощущать все сущие вещи, а его собственная божественная сила позволяла ему

видеть происходящее в каждом из миров и находить любого человека.

— Прошу прощения, Ваше Высочество Тор. — Выражение лица Хеймдалля было озадаченным и сложным. Тщательно осмотрев весь Асгард своим «взором», он был вынужден сообщить Тору дурную весть: — Я не могу найти Ваше Высочество Локи.

Тут-то дело приняло серьезный оборот.

Из уст Хеймдалля прозвучало подтверждение: Ваше Высочество Локи действительно пропал.

Лица Одина и Фригги сделались суровыми.

Хотя Локи обладал весьма выдающимися задатками мага, он был еще мал и никак не мог собственной силой заблокировать восприятие Хеймдалля.

Тор был на грани нервного срыва.

— Тор! — Королева Фригга схватила Тора за плечи. Ее прекрасное лицо было изможденным, а глаза слегка покраснели. Она точно так же переживала о безопасности приемного сына Локи, и состояние старшего сына тоже вызывало у нее глубокую тревогу.

— Матушка! — Тор с покрасневшими глазами посмотрел на мать и с болью в голосе выкрикнул: — Локи исчез, кто-то похитил Локи! Кто это сделал, кто?!

Фригга с усилием сжала пальцы, изо всех сил стараясь сохранить спокойное выражение лица, и произвела:

— Твой отец уже схватил виновную богиню, перестань бессмысленно метаться в поисках Локи, иди за мной.

Услышав это, Тор тут же излучил убийственное намерение.

Значит, кто-то и правда украл его Локи!

В Золотом чертоге король богов Один восседал на троне с мрачным лицом, а боги выстроились по обе стороны от него.

Они молча смотрели на стоящую внизу богиню, не веря, что исчезновение второго принца может быть как-то связано с ней.

Когда королева Фригга вошла в главный зал вместе с Тором, боги почтительно склонили

ГОЛОВЫ.

Тор уставился на стоявшую внизу богиню и выпалил:

— Сигдрива?

Стоявшая на коленях перед тронным возвышением богиня обладала яркой и в то же время воински дерзкой внешностью. Она была одной из валькирий Асгарда, доблестной воительницей. В памяти Тора она пала в бою от рук темных эльфов, погибнув смертью храбрых.

Сигдрива подняла голову, и во взгляде, которым она посмотрела на Тора, читалось некоторое замешательство.

Громовержец Тор, чье имя в будущем прогремит на все девять миров, сейчас был всего лишь ребенком.

Она не отрицала, что испытывала симпатию к этому высочеству, но, видя нынешнего Тора, невольно испытывала смешанные чувства.

Тору было абсолютно все равно, что там думает Сигдрива. Он сделал шаг вперед, гневно уставился на валькирию и громко потребовал:

— Где Локи? Куда ты дела моего брата?!

Если бы она не была валькирией, за которую нельзя было схватить по привычке, Тор уже давно подскочил бы и вцепился ей в воротник.

К богу, похитившему его брата, Тор не испытывал ни капли добрых чувств.

Тор кипел от ярости, но Сигдрива волновалась еще сильнее. Она посмотрела на Тора и взволнованно выкрикнула:

— Нет, Ваше Высочество Тор, вы ослеплены Локи, он совершенно не стоит вашей заботы! Он — зимний волк, ядовитая змея, притаившаяся на ветвях, он полон лжи, его руки в крови, он просто...

— Замолчи! — гневно оборвал ее Тор. — Я не позволю тебе клеветать на моего брата!

— Он — предатель!

— Тихо!

Заметив, что Тор и Сигдрива начали ссориться, и Фригга уже едва справлялась с тем, чтобы удерживать Тора, Один нахмурился и тяжело опустил копьё Гунгнир на пол.

Глухой стук раскатом грома пронёсся по Золотому чертогу.

Сигдрива вздрогнула и опустила голову, выражая почтение и страх перед царем богов.

Гнев в сердце Тора не утихал, он яростно сверлил Сигдриву взглядом, а его грудь тяжело вздымалась.

Один прямо спросил:

— Валькирия Сигдрива, куда ты дела моего сына Локи?

Сигдрива прикусила губу. Она могла с чистой совестью и вызовом говорить Тору о злодеяниях Локи, но не смела игнорировать приказ царя богов.

Она с усилием зажмурилась и тихо произнула:

— Я бросила его в космический поток.

Боги в Золотом чертогу с неверием смотрели на валькирию. Космический поток? Место, где непрерывно рождаются и погибают звезды, а царящая там энергия предельно хаотична! Даже они, боги, достигшие зрелости, не смели соваться туда безрассудно, а эта валькирия швырнула в космический поток второго принца, которому еще не исполнилось и ста лет и который даже не достиг совершеннолетия?!

Она... она же собиралась убить Ваше Высочество Локи!

Так было с простыми богами, что уж говорить о близких Локи.

Тело Фригги оцепенело, а покрасневшие глаза казались готовыми пролиться слезами в следующее же мгновение.

Один резко поднялся на ноги, холодно уставился на Сигдриву единственным глазом и ледяным тоном переспросил:

— Ты швырнула моего второго сына Локи в космический поток?

Сигдрива судорожно сжала пальцы. Когда страх достиг предела, ее охватило отчаянное безразличие.

Она резко вскинула голову и громко произнесла:

— Я не сделала ничего дурного! Я не только бросила Локи в космический поток, но и накормила его золотым яблоком, пропитанным ядом Ёрмунганда. Даже если бы ему посчастливилось не быть разорванным бушующей силой космического потока, яда Ёрмунганда было бы вполне достаточно, чтобы лишить его жизни.

Боги в Золотом чертогу онемели.

Они никак не ожидали, что эта валькирия окажется настолько жестокой.

Один пришел в ярость.

Пусть Локи и не был его родным сыном, а забирая его из Йотунхейма, Один преследовал и некие скрытые мотивы... Но за почти сотню лет он уже давно стал воспринимать этого послушного ребенка как собственного сына.

И вот теперь, прямо у него на глазах, кто-то причинил вред его сыну!

Однако, прежде чем Один успел дать волю гневу, вперед выплеснулись чувства Тора.

Юный бог свирепо уставился на валькирию и рывкнул:

— Как ты посмела, как ты смела так поступить с моим братом?!

Тор поднял руку, почти инстинктивно призывая свое оружие — Мьёльнир, свой молот Тора.

Этот божественный артефакт, выкованный в сердце умирающей звезды, Один использовал как один из символов власти царя богов.

По залу пронесся гул.

Молот Тора без малейших колебаний откликнулся на зов своего хозяина. Он сам собой вылетел из оружейной Одина и наконец очутился в руке Тора.

Один с удивлением посмотрел на старшего сына — он никак не ожидал, что еще не достигший совершеннолетия Тор сможет заставить молот Тора признать владельца по собственной воле. Но при мыслях о пропавшем без вести и с огромной вероятностью уже мертвом Локи, чувство радости неизбежно смешалось с горечью.

Сжав в руке молот Тора, юный принц испустил яростный рев. Грозовые разряды обрушились с

небес, закружив вокруг юного принца, и то ослепительное величие небесной стихии заставило Сигдриву ошеломленно замереть.

В этот миг ей почти показалось, будто перед ней стоит то самое любимое ею высочество.

С громким криком Тор со злостью обрушил молот Тора на Сигдриву.

Он хотел убить ее!

— Подожди. — Один внезапно возник рядом с Тором и поднятой рукой перехватил удар молота.

— Отец! — взревел Тор. — Она навредила Локи!

Один бросил на Тора взгляд и ничего не ответил, переведя взор на Сигдриву. Глухим голосом он произнес:

— Сигдрива, твое обвинение в покушении на членов королевской семьи доказано. Я выношу приговор: ты будешь скована в бездне Нифльхейма. Ночной змей Нотт станет денно и ночью сторожить тебя, и ты во веки веков будешь омываться ядом демонической змеи.

Лицо Сигдривы изменилось. Она смертельно побледнела, ее тело затряслось, и она стала отчаянно умолять:

— Отец богов, прошу, не поступайте так со мной. Я избавилась от Локи ради Асгарда... Ваше Высочество, все это было ради Асгарда!

Яд ночной змеи, хотя и не был смертельным для нее, непрерывно разъедал бы ее кожу, ее молодость, ее красоту.

Для богини это было самым жестоким наказанием.

5. Локи

Один проигнорировал мольбы Сигдривы и взмахом руки велел стражникам увести ее.

— Тор. — Один посмотрел на старшего сына. Отравленный ядом Ёрмунганда и угодивший в космический поток, Локи имел практически нулевые шансы на выживание. Конечно, Один тоже скорбел, но живые боги не должны тонуть в печали об утрате.

В своей жизни он потерял слишком многое, так что уже привык терять.

Теперь настала очередь Тора.

Один мягко и утешающе посмотрел на Тора и поднял руку, желая успокоить своего ребенка.

Однако крепко сжимавший молот Тора юноша резко вскинул голову, и его взгляд был полон решимости, граничащей с одержимостью.

— Отец, я отправлюсь на поиски Локи!

— Тор, ты же понимаешь, что Локи с огромной вероятностью уже...

— Нет! — закричал Тор. — С Локи все в порядке!

Юный Громовержец отступил на шаг, опустился на одно колено перед Одним и произнес с непоколебимой твердостью:

— Локи жив. Отец, прошу, позволь мне отправиться на поиски Локи.

Он не мог потерять Локи во второй раз.

Тор вскинул голову, в его выражении читалось отчаянное упорство человека, поставившего на кон всё.

Он больше не мог вести себя так же, как прежде — утопая в тумане скорби по утраченному Локи, пока его, наконец, не привели в чувство гневливые слова Джейн.

— Ты потерял брата? Но почему мне кажется, будто ты потерял возлюбленного? Тор Одинсон, ты вообще любишь меня?

Джейн тогда просто со зла брякнула первое, что пришло на ум, но ее слова поистине отрезвили Тора.

Неужели он и впрямь видел в Локи лишь младшего брата?

Он без всяких сомнений любил Локи.

Если бы Локи и Джейн оказались на чашах одних весов, на чью сторону он бы склонился?

Это был вопрос, над которым Тору даже не нужно было раздумывать.

Джейн бросила его, а сам он позволил себе утонуть в тоске по Локи, пока... пока вдруг не вернулся в детство.

Он действительно не мог потерять Локи.

Один тяжело вздохнул.

Выйдя из Золотого чертога, Тор направился к Биврёсту.

Позади кто-то громко звал его по имени.

Востагг, Фандрал, Хогун и Сиф широким шагом шли за ним.

Четверка богов догнала Тора и произнесла:

— Мы испросили у отца богов дозволения присоединиться к тебе и вместе искать Локи.

Тор посмотрел на друзей с трогательной благодарностью и колебанием:

— Но...

— Никаких но. — Сиф подошла ближе и хлопнула Тора по плечу. — Ваше Высочество, вы ведь еще даже не совершеннолетни, как вы собираетесь в одиночку обойти все девять миров и десять галактик в поисках человека?

Тор: «.....» Чуть не забыл, что он еще не достиг совершеннолетия и сейчас выглядит лет на десять с небольшим.

Востагг добавил:

— Локи не должен был постичь такой злой рок, мы все вместе вернем его в Асгард.

Они не знали, с чего вдруг эта валькирия решила, что Локи принесет Асгарду бедствия — у нее отроду не было крови прорицателей, а Локи не исполнилось и ста лет, он был всего лишь ребенком.

Хотя он любил проказничать, его шутки всегда знали меру, и они охотно прощали милому и шаловливому второму принцу его проказы.

За исключением упрямо отказывающегося сдаваться Тора, почти все боги считали, что Локи, судя по всему, постигла несчастливая участь.

Один заперся в своих покоях на три дня, а Фригга целыми днями обливалась слезами.

В конце концов, речь шла о яде Ёрмунганда и бурлящем космическом потоке. С этим не всегда справились бы даже взрослые божества, что уж говорить о Ваше Высочестве Локи, который оставался лишь ребенком.

На самом деле, прямо сейчас Локи жилось весьма неплохо.

На просторах Средиземья в главном мире Тельпериян, в пределах владений энтов недалеко от Лихолесья, Локи наслаждался обращением, уступавшим разве что почестям самому Бэлию.

Локи и впрямь был очаровательным ребенком.

Говард срезал для Локи самую нежную часть жареного мяса и протянул мальчику, в ответ на что заслужил сладкую улыбку Локи и его вежливую благодарность, после чего протянул руку и взъерошил тому волосы.

По сравнению с его собственным сыном, норовившим залезть на крышу и разобрать ее по кирпичику, Локи был до того послушным, что аж сердце сжималось от умиления.

Что уж говорить о переполненной материнской любовью Марии, для которой Говард был лишь примером.

Вспоминания о том, через что мальчик прошел ранее, заставляли Марию ломать голову и каждый день готовить для Локи всевозможные целебные деликатесы из имеющихся скудных продуктов — роскошь, которой не удостаивался даже Говард. Сам Говард ничуть не чувствовал себя обиженным и вместе с Марией принимался всячески «откармливать» Локи.

Константин не упустил из виду промелькнувшую в глазах Локи искорку лукавства, но это ни капли его не расстроило.

Он прекрасно понимал: и Говард, и Мария видели, что Локи далеко не так мягок и послушен, каким пытается казаться, однако эти хитрые взрослые были не против побаловать ребенка.

Его истинная натура была неплохой, а эта маленькая хитрость лишь делала его еще милее.

К тому же, характер самого Константина тоже не отличался покладистостью — иначе он бы не занимался такими опасными вещами, как обман и вождение за нос демонов на грани фола. Маленькие хитрости Локи вызывали у Константина лишь интерес, и за спиной у Бэлия он стал

обучать мальчика некоторым языковым уловкам.

Пытаться задобрить людей с помощью лжи — худший из возможных вариантов, на чем Константин уже успел горько обжечься.

Куда лучше было недоговаривать правду, позволяя собеседнику домысливать все самостоятельно.

У Константина пока не было возможности испытать этот метод на практике, но Локи вполне мог развиваться в этом направлении.

По правде говоря, если бы кто-нибудь из жителей Асгарда увидел Локи в этот момент — как он послушно ластится к боку Марии и помогает ей подавать ингредиенты, пока та варит для него фруктовый пудинг, — он ни за что не признал бы в этом послушном мальчике второго принца мира богов, славившегося в Асгарде своими буйными розыгрышами.

Дети любят устраивать проказы обычно тогда, когда хотят привлечь внимание взрослых. Они жаждут заботы, поэтому и продолжают озорничать.

Именно таким и был прежний Локи.

Его способности не вписывались в традиционные асгардские идеалы: он был магом, а не воином, как его старший брат Тор. Пусть даже в моменты умственного озарения он заставлял взрослых богов чувствовать собственную несостоятельность, в глазах остальных небожителей все это было лишь ничтожными фокусами, не шедшими ни в какое сравнение с тем, как Тор открыто сокрушал врагов грубой силой.

Один как-то раз говорил им, что в будущем лишь один из них взойдет на трон, но оба они рождены королями.

Тогда во взгляде Одина читались надежда и ожидание, и это мгновенно тронуло сердце Локи.

Семена жажды власти были посеяны именно в тот момент.

Он хотел трон, хотел, чтобы одобряющий взгляд отца падал на него.

Однако шло время, а Локи, проявлявший лишь способности к магии, привлекал к себе куда меньше внимания, чем демонстрировавший сокрушительную мощь Тор.

Отец все чаще обращал взор на Тора, а матушка, хоть и любила его, все же сильнее любила Тора.

То, что Локи мог удержать в своих руках, таяло с каждым днем.

Охваченный паникой и обидой, он в конце концов выбрал путь розыгрышей, чтобы привлечь внимание родителей.

Вот только никто и не думал замечать чувствительное и тревожное сердце, скрывавшееся за этими шалостями. Если бы все продолжалось в том же духе, то стоило Тору повзрослеть и взойти на трон, как душа Локи, пожалуй, оказалась бы искалеченной до предела.

Но вмешательство валькирии изменило изначальный ход событий.

Локи лишился прежних воспоминаний.

Он испытывал тревогу и растерянность, но здесь нашлись люди, готовые относиться к нему со всей искренностью и добротой.

Хотя Локи порой задумывался о том, какой была его прошлая жизнь и не проливают ли слезы беспокойства его прежние родные, это нисколько не мешало ему отвести этим людям — включая и Вашего Высочество Бэлия — важнейшее место в своем сердце.

Сигдрива и в страшном сне не могла бы вообразить, что ее тогдашний порыв позволит Локи обрести то, чего он так сильно жаждал.

Внимание и любовь.

Локи довольно прижался к Марии, черпая ложечкой пудинг и расплываясь в сияющей улыбке.

<http://bllate.org/book/21222/2147509>